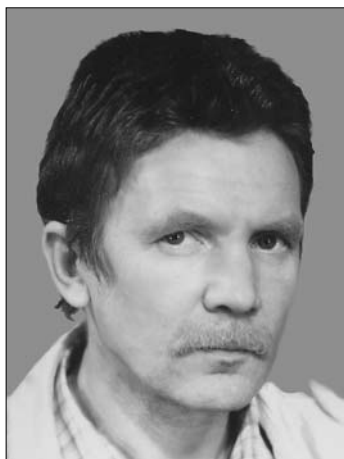

ВЛАДИМИР УРУСОВ

БЕЛЫЙ СОБОЛЬ

ПОВЕСТЬ

Байкал

Ветер унёс туман из поймы, протоки затянуло рябью, и сразу загорелись фонари у врезок Мысовых тоннелей. Вечер покатился в ночь. Погода — вечная тема на узлах старинных трасс.

— Буряты полагают, будто не радуги пылают на северо-западе, а царская казна, — перемотав портянки, заявил Сабуров, — того гляди, что делается лёд!

Маркшейдер ГлавБАМстроя верил в любые легендарные приметы, хотя у самого, кроме ассирийской бороды, иных примет не было. Охотник в балахоне из тряпья.

— Из тех долин никто не возвращался, территория ничья.

— Таких высот на карте нет. Сдадим 142-й пикет и сходим, скажемся — за золотым корнем, а сами... угодим неведомо куда, на съеденье лисам и бурундукам.

— Лишнего не болтай, озеро молчит — значит, слушает, и ничего задаром не отдаст.

Мы сидели на бруствере обводной канавы, вертели над хладеющим костром тушки связей, пронзённых шомполами, ждали Кротова, аспиранта МГРИ. И он являлся — на превосходной яхте под вымпелом с черепом и костями, на катере рыбоохраны с русалкой у рогатого руля, на барже с тягой

УРУСОВ Владимир Глебович родился в 1947 году в Калининградской области. Окончил Московский горный институт, работал геофизиком на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале. Автор пяти сборников стихотворений, в том числе "Три любви — три степени свободы", "Всплеск живой воды", "Медленный ветер". Член Союза писателей. Живет в Москве.

в сорок бурлаков. А когда спирт, разбавленный брусничным соком, неожиданно иссяк и фляга опустела, маркшейдер устался на кочевые острова, где рыскали за подранками лодочки Стикса:

— Куда девался наш естествоиспытатель?

В девятом часу болото дрогнуло, и в паузе растянутых секунд ватный хлопок пригнал воздушную волну.

— Поехала сто сорок вторая. Двинулась заходка! — сказал Сабуров так, будто это его ввела в забой бригада взрывников.

Вода в траншее стала убывать, по срезу торфа обнажились спирали валлиснерий, рдеста, корни стрелолиста и тройчатой ряски. Глубина расколыхалась, меркнувший снег в горах за Ангарой сотворил хребты пещерных соборей над линзами праящурных затонов, и в закатной лаве — безымянный полуостров, растрёпанный снопами тростника.

Дыхание Байкала ослабело, и под пластиной задранного мха шевельнулись вдавненные в гумус вёсла.

— Что бы сие собрание оснастки могло обозначать? Где же ружьё, патроны и стрелок? Мне кажется, баркас немного затонул. Не вижу мачты.

— Или он в котельной, сушит паруса. Догоним — откачаем. — Вскинув на плечи скоманные лодки и завёрнутых в лопухи гусей (“ренато бене нон триумвирато”, как посетовал Сабуров), отправились мы к пристани, на водозабор, где сторожил предгорье факал трубы, котельной рыжий глаз. И головы лохматых ведём вдоль рва податливо пружинили, вертятся под сапогами.

Нижнеангарск

Ложе тропы вздымалось и опадало, расталкивая полушария сероводородных пузырей, блистающих закатной плёнкой ртути, где отражался глиняный апостроф взлётной полосы, конторский корпус, листовенный сруб больницы, гостиничный барак и клуб, озвученный рёбрами пульсирующих арок. Всечастотный “белый шум” гнал шлейф пыли за блуждающей в проулках вахтовкой, змеился по следу громыхающего в распадке путеукладчика и растворялся в стыках лязгающих рельс, тревожа слух отбившейся от стаи утки или невидимого на вираже мелькнувшего чирка.

Кротовская плоскодонка дремала на причале, и низкие борта её мерцали в перламутровой оправе. Бойлерные молнии лунного мазута искрились в ореоле звёздной польны, где дребезжали адские форсунок.

— Приятель ваш истратил весь наличный кипяток, согрелся и дальше побежал, — пожаловался кочегар. — Ищите его в клубе, он думает, вы там!

И мы ушли в лабиринт тротуаров, набранных из плах игрушечного домино. Хаски с волчьими хвостами свешивались с теплотрассе, обмотанных стекловатой и лентами фольги. Воображение достраивало в тушиках, в распилах шпал облицованные вагонкой хозблоки, опустевшие под осень, перепаханые огороды, острожные поленницы и колодцы огненного солнца, освещенного в пихтовых смежных куполах Доски почёта ГлавБАМСтроя. Лапник колыхался на гребнях пушистой хвои, вкрадчиво кивая в такт летейским вихрям окрылённых фонарей.

Над помостом во дворе конторы метался оранжевый мяч. В каскадах брызг баскетболисты 2-го тоннельного отряда спокойно обгоняли скорость света, надутого в округлые мешки.

— При счёте по нулям ничья уже победа, — сказал Сабуров. — Фортуны не разделишь пополам! Нет смысла.

У входа в клуб вертелся лучезарный шар, роился на раскрутку вальс снежинок.

— Поёт Кобзон, работает буфет, — басил в воронку рупора дежурный зывала. — Ружья в гардероб, ботфорты в коридор. Танцы состоятся при любой погоде!

Кассир был хмур, концерт не окупался, не тешили душу его ни скачки вбальмошных кентавров в стриженных шпалерах багульника, увешанного

мишурой люпинов и хвощей, ни сонеты и баллады студии “Стальная магистраль”, вкушающей из муляжей бокалов нектар, амброзию и алавастр грядущей славы, ни рассказы с расспросами: “Где Кротов? Что такое амфибрахий? Зачем в блаженстве посещать сей мир? В какой избе после Таганрога обетовал тут Александр I, и что здесь делал Шандор Петефи, загремевший из Будапешта в Баргузинскую долину под арест?”

— Собрал баул и убыл, — послал Сабуров свояка в среднюю лузу бильярдного стола. — Не так ли нам поэта и зоила в одном подоле Муза подменила?

Кому он это сказал в глаза, наполненные синевой Байкала?

И стало слышно, как собаки выгрызают лёд между когтями и как елозит ковшом бульдозер на грунтовке, заваливая в овраг серые пни, сдвоенные клыки мамонта, аллювий и делювий сбросов на откосах, взхлёб за песчаной косой посреди жуткой поймы черная вдохновение далёкого прибрежного становища, сокровища в распадах Дагары.

Прекрасен сон, о котором мы тоскуем так, будто это мир птиц, озёр и корней. Стон бычьих струн в пыли виолончели.

Очередь у кассы прирастала лаборантками техотдела в кринолинах и планивиками в плащах и горностаевых ушанках.

— Врубай фанеру! — дунул маэстро в микрофон. И в полный зал метнул все свои звуки буфет с бильярдной. Начался концерт.

О, Муза странствий! Езда в кузове гусеничного вездехода на ящиках с крепежом и запчастями разобранной коробки передач, сырой туман, горячая кабина и косозубые шестерни беличьих колёс. Дырявый тент фургона осыпал обочины горстями звёзд по такой корке за суглинистой дорогой, что триас, юра, мел и карбон мотали на кардан земную ось заката.

Приют Академических Художеств

За перекатами на гребне перед провалами котловины исчезли жерла теплотрасс, ветровые колпаки в крестах антенн аэродромной каланчи, покинутые цеха консервного рыбозавода и чёрные старообрядческие срубы с резными ставнями и звериным орнаментом горлиц, вяхирей и волчьих лап капканов из балясин, прикрученных без гаек на болты.

Вздыбленный противовесами шлагбаум повело налево. За гаражами откомандированной в Чару транспортной колонны возвысился корпус геофизической экспедиции. В иллюминаторах ковчега колыхался студень из моллюсков, диск алмазной камнерезки скрежетал в бурунах эпических раздумий над взносами прикладной науки в фундаментальные основы бытия, и линзы опрaвленных в бронзу микроскопов вылавливали из шлифов осадочных, вулканогенных и метаморфических пород созревшие за 40 миллиардов лет насущные проблемы:

“Арочно-бетонная крепь тоннелей в условиях вечной мерзлоты”;

“Проходка тектонических разломов”;

“Разведка карстов и пустот”.

Съехав по винтовым перилам девяти ступеней, начальник базы внедрения Греков заявил:

— Опять нет Кротова? Поищем там, где остановился Дарвин. Оденьте каски, следуйте за мной!

— Все лестницы ведут на эшафот, — согласился егерь.

— В любом шкафу есть ниша для скелета, — возразил Сабуров, — посмотрим, что природа начудила.

Но где младшие и пожилые научные сотрудники из племени Платонов и Ньютонов или иных по роду олимпийцев? С каких ветрил балаган мудрецов снесло в гигантские трёхнакатные лабазы?

А было пусто во дворе. Шаровые мельницы, станины гидравлического пресса, носилки с кернами, обезглавленные гидры кабельных катушек, в джунглях ботвы тоскующие клубы, отслужившие купины сводчатых

оранжерей, выющиеся по грядам вылущенные бобовые культуры и шнеки в пучинах гильотиновых корзин над белокочанным крошевом капусты...

После прозаического лета база готовилась к поэзии зимы.

Шуршали берестяные тусса старинного обряда с кедровыми орехами, ужатыми ладонями под крышку. Скисало в закромах стоградусное самодельное вино, лечебная смесь лимонника, смородины и клюквы. Пенилась в сахаре шипящая брусника. Отстаивалось в четвертных бутылках пихтовое бирюзовое масло, и красовались в погребах с зарубками мотыг времён первопроходцев стиснутые обручами крутобокие омулёвые бочки. О, если бы не любовь! Льда скользкое зиянье в тоннелях на байкальских берегах.

Где-то в кузнице мехчеха пыхтели хромовые, припорошенные пеплом меха: об ордерах на “Ладу” или “Ниву” по договору на три года, о неисповедимых трассах коммунизма, о золоте в шурфах на территории калейдоскопического солнца, затерянного в шифрах голограмм.

— Планида поневоле, — предупредил Греков, вступив в свой заваленный образцами известняка и доломита кабинет.

Бухнул оконный переплёт с эскизами подворья, задвинулись тяжёлые портьеры, встряхнулись которы и караморы в кистяных обвесах ламбрекенов. И распустились бутоны розовых азалий и ухоженных граблями рододендронов в кадках с инерционными сейсмодатчиками, окученными задолго до приёма неожиданных гостей.

— Реакция на сдвиг земной коры, — объяснила лаборантка, — Японию трясёт, а страдаем мы! Сейчас я пожарю вам картошки.

Задетые сквозняком, на антресолях завозились квартальные отчёты, разлипались подборки соавторских статей из журнала “Недра”. Затем запахла луком и включилась муфельная печь.

На двухтумбовом столе ждали своей участи фольгированные платы гетинакса, кольчугинский кофейник, проволочный диктофон с клавишами Бехстайновского рояля и таз с кашканами, распаренными в валерьяновом настое приправы можжевельных ягод для поимки ондатр, лис и хитроумных соболей. Досуг есть досуг — ничего лишнего, всё как у людей.

Свист ослабел и смолк. Печь отключилась.

— Шла бы ты домой, Екатерина! — сказал Греков. — *Опыт, сын ошибок трудных*, и без тебя наделает нам дел.

— Как можно, Евгений Евгеньевич? Завтра техсовет.

Сменив привычные штормовки на белые рубахи, лишние ведущие научные сотрудники удалились. Сабурову достался кротовский халат с бронжилетом из крахмала и батиста. Засучив штаны и рукава, он напоследок проследил, и капля канифоли вышибла из паяльника элементарный ультразвук. Приёмник диктофона заработал! Если бы не таз, сыграл бы и рояль...

К счастью, оборвав мелодию курантов, мельхиоровый кофейник, друг парадоксов, замкнул клемму “минус” на платину в контакте с клеммой “плюс”, выброс энергии свалил и погубил цветущий фикус, и все подумали: “Куда девалось золото, намытое в веках?”

Экран четырёхлучевого, списанного за древностью осциллографа несколько не смутился. Что ж, так бывало, и не раз, в пуантах с пачками престлстных синусоид...

И вспомянулись восемь статуй горняков над Ленинским проспектом, на фронте Горного института, за гипсом фриза солнечный карниз:

— Так можно отыскать на картах все наши пустоты и драгоценные провалы, живые души в небе ледяном.

Через час-другой рубиновая полусфера пакетного излучателя в сборе с квантовым приёмником была отлажена, фильтр паразитного сигнала, усиленный кофейной гущей и сахаром, дал нужный результат, и регистратор, взятый клещами напрокат у польщённого доверием АН СССР осциллоскопа, выдал на выходе рогатый, жалящий налево и направо протуберанцами базон.

— Засуньте его в тубус, — попросил Сабуров, — Екатерины ему мало.

После перекура этот “Георадиолокатор” на пробу запустили в ночь, и он обшарил все колодцы, землянки и погреба. Ничего не пропустил. Старался.

*И в сердце внизывал сам дьявол,
если смотреть издалека,
дым фантастических парабол
и пепел в лапах паука.*

Гостиница “Звезда”

Шлагбаум отшатнуло, и вездеход устремился совсем в другую сторону, в страну пещер и выработанных кварцевых жил.

Ещё в процессии шагали за поворотом по пятам электрики, акустики и тригонометрические треноги сабуровских лазерных теодолитов, прищипренных баграми на собственном ходу, когда охваченные скоробогатской лихорадкой солидные коллеги приустиали, и в кузове понуро утрясаясь гремучая смесь традиционной златоискательской оснастки: лубяное решето и лыковое сито, кайло, корыто взрослое и детское корыто, раскрашенное сурьмой и охрой под Хохлому, а также ведро и сандаловое коромысло, выданное Грековым под расписку до конца квартала, до 30 сентября сего года, на два дня.

— Место под солнцем есть даже в аду! — обрадовался егерь. — Обжигай горшки! Власть, любимая народом, и народ, любимый властью, венеч юдоли. Где крафт-мешки?

Когда эхо повторило: “Оглобли... Разворачивай оглобли!” — он сказал, что про любовь он просто пошутил, и обиделся — уехал по азимуту 360 градусов в низовья Ангары, к своим эвенским браконьерам.

Теперь мы здесь соискатели сокровищ! Расплата за свободу — плен, и почта неумолимо штамповала повестки уходящим в торосы синклиналей, в порталный зев тоннеля, в бездну бездн.

На площади сплочённая из бруса в руст гостиница исходила жаром чугунных батарей, и в стеклоблочных простенках то возвращалась, то терялась на крыльце крупная дворняга мухортой масти, будто задёрганная строгим поводком. В угловой комнате мигал под потолком оплавленный опалом, весь в бабочках молниеносных, погибельный плафон. И на панцирных кроватях томилась в лепестках верблюжьих одеял фарфоровые куклы — Наташа, Вероника и Марина, дипломницы ЦНИИГРИ.

*Я предан тебе или предан тобой,
на мир опускается шар золотой.
И должен по правилам этой игры
ловить в зеркалах ледяные шары.*

*Блестает осколками солнечный шар.
Забудь обо мне, это просто мой дар —
хотя бы на миг угадать по судьбе:
я предан тобой или предан тебе...*

Приглушив гитару, Кротов усмехнулся:

— Слова ничего не значат, их четверть миллиона... и Пушкин, золотая голова.

— Луна тоже сделана из двух половин, но лишь одна прекрасна, — раскланялся Сабуров перед Вероникой. — Любите ли вы гусей?

— Не знаю. Знание бессмысленно, потому что бесконечно.

— Важен результат. Эффект новизны, другие габариты, — не спасовал маркшейдер и вытряхнул из тубуса экс-суперзонд, сварливо булькнувший электролитом щелочного кадмиево-никелевого аккумулятора. — На входе тут уран, два с лишним стержня. На выходе что?

— Чёрная дыра! — испугался Кротов, и лицо его, изрытое складками шарпея, осунулось, разгладилось и побледнело. — Видели пса? О, ужас, ужас, жуткий ужас.

— А ну-ка, просвети нас поподробнее, Василий Васильевич, — смахнула Марина с самодельной тумбы кювету с луковицами тюльпанов и бегоний

в газон, на пожухлую крапиву, — доскачет ли до Швейцарии этот ваш икс? Как его там — базон?

— Да ну его! — Наташа ушла на кухню. — Если можно что-то не делать, лучше не делать ничего.

Но было поздно. На лунной стороне улицы почтовая темница вдруг будто взбеленилась, хаски передрались, и располованная Баргузином шлея мотыльковой ленты впиалась в проём штор. И на восточной стороне Байкальского хребта воссияли кристаллические вспышки — плагиоклаз и горнблендит, смарагды, аметисты и алмазы.

И ночь смежила влажные ресницы ответными кострами в глыбах сокровенных гор, не тронутых штыками ледорубов. Ход времени вживался в берега, слоился в облаках тоннельных сводов, целуя небо в даль, издалека. И сорванный с нейтралы взбесившийся погрузчик немел над машинистом, над багряным колпаком, вслушивался в гул железобетонных шайб балансира — пусть ангелы поют, колокола здесь нету!

И где-то экспедитор в бухгалтерских рукавниках рвался к заберегам поймы, истирал локти в обжигающей шуте, толкая лбом взрезанную по шву лодку, и думал о любви, о кружке краснодарского чая, который заварит ему дочка, если он доберётся до сходни, где его заметят лесники.

И снова судьба гонит змеящийся к порталу чёрный дым, и сварщик, уронивший огарок электрода в бак с промывочной соляркой, неуязвим, пока не отдаёт Марине свой в оранжевом футляре “самоспасатель”, и пьёт из подшлемника угарный газ, разбавленный огненной водой...

Потом их несли, раскачивая на дюймовых штангах, застеленных бушлатами, и под рыхлыми масками пепла белоснежного нельзя было признать — кто он? Встретится ли где?

*И над прогоном тёмной тучи,
за перевалом волчьих скал
зиял украденный и жгучий,
жемчужно-розовый оскал.*

Вахтовка

Утром 28 сентября того года, легко подволакивая вечные восьмёрки левого переднего и кормового запасного колеса, конторский вахтовый автобус ПАЗ БУ 18-90, преодолевая залежи утильного чермета, выкатился из крайнего гаражного отсека и встал на пандусе у разгрузочного люка управленческой столовой “Парадиз”. Запахло снедью.

— Египетская сила! — сдержанно объяснил Сабуров недолгие минуты опоздания. — Насилу прокачали тормоза.

— Наглопались яду, — подтвердил Кротов, — колодки не скрипят.

— О, горечь тормозухи! — капнула шофёрская слеза в утробу люка. — Это она Сократа отравила.

Нижнеангарская долина путалась в сетях Летейского дождя, вязла в сланцевых протуберанцах сопок. На росрани у взгорья по яругам зыбилась трескучая под грейдером дресва. Оседали на песочной мергельной подсыпке избы и извечные щитовые бараки, хозблоки и халдейские дворцы. Сапсаны, коршуны и скопы выслеживали по сандаловым моренам, били влёт червлёных лебедей...

И озеро вспыхнуло. И в сквозных окнах засветилась в красных углах лампадных нарезных урусов одна Вселенная, у каждого своя.

Начальник ГлавБАМстроя Лосский, инспектор ТБ Чацкий и технолог Глинский позанимали откидные кресла, и в недвижимый ПАЗ БУ 18-90 вдавилась сухостойная хонга — встречное пространство всколыхнулось, и кто стоял, тот сел.

— Зачем ковры на остальных сиденьях?

— Чтобы хорьки не ковыряли поролон.

— Что есть пустота на молекулярном уровне? — затеял дискурс с причтом Лосский.

- Атомная бомба! — посыпались ответы. — Запятая без хвоста.
- Раздувшаяся точка? Оттаявшая мерзлота?
- Не нашего ума это дело...

И развернулись на объездах выверты аэродромного глинозёма, на сваях коренастые, омытые четверговым ливнем пятистенки, окольные поленницы, старательские катакомбы и карьеры, полные обугленного солнца, лоскутные до горизонта заводы и острова.

Прошлое определяет будущее, и значит день грядущий — неизменен. Если жива мерцательная аритмия в спектре звучных отражений фыркающих волнорезных надолбов.

Длилась осень, слова искали губы, губы искали слова: “Послушай, я люблю тебя... — Я знаю...”

И рыболовецкая ватага опоясанных тиной баркасов огибают Тоннельный мыс над царством жутких водорослей и тлеющих затонувших плоскодонок. Отслаивается вскользь рябая амальгама. Кольчуги, рукавицы, свитера. Насыпи с поминальным обелиском, шесть ферм узкого моста.

*И туманятся мутные стёкла,
так бывает при быстрой езде —
лишь бы только душа не промокла,
как собака в холодной воде.*

Северный Портал

Автобус замирает, стиснув створ рычажной двери. Чтобы никто не сомневался, куда семянят подальше от начальства электрики, плотники, слесаря и бдительные взрывники.

Отбойная стена поджимает залежалое подбрюшье своё над врезкой, над счастливой подковой тубинговой арки, и страж выпутывается из гофра обширной гардины.

— Здравствуйте. Где наши пропуска?

Манлихеровка с плоским австрийским штыком берётся тренированным захватом “на караул”, и в хаосе порталного подворья среди откатных вагонеток, штабелей опалубки, немеряных двугавров с фиолетовыми врезками торцов выстраиваются колодцы шпал, разнокалиберные, в связках буровые штанги, и позолоченные, в трёх ивовых корзинах приуточенные к сбойке праздничные “костыли”.

— Четвёртую кудель подрастеряли? — вздохнул с ревнивой благосклонностью вечно недовольный Глинский.

— Сколько бы ни искали, столько бы и нашли...

Неразбериха — мать порядка. И мерно плещет волнами в тыловые окна банно-прачечного комбината солнцем обласканный Байкал. Сладкий озон влекнут по коридорам пищеблока по расписанию пересмен развешенные Баргузином сквозняки. Кто не вкушал вишнёвого компота из Гейдельбергских бочек поварих, тому не место на Доске почёта! Поклявшись блюсти законы с завтрашнего дня, мы облачаемся в испод фланелевых поддёвок со штанами Шуйской швейной фабрики, меняем башмаки на боты и плащи — на балахоны.

*Бывало, пот или слеза
сверкнёт с эпических залысин —
и снова шума нет из-за
холицёвых наших закулисин.*

В боевой раскраске мы одинаковы, и буфера электровоза подталкивают наши чудища ряженные в даль жестяного вентиляционного чулка. В камере справа на топчанах, высланных лисьими шкурами, раскидывают карты сапёры подземелий, напротив с оглядкой на бушующий компрессор спит моторист с открытыми глазами, и сифонят в сгонах, паклю теребят фанерные задвижки и заглушки.

Мы идём след в след, за тенью тень, по-волчьи, арки балочные исчисляем, ловим в ладони лазерный луч, и в водосборных желобах хрустит хрусталь Кастаньского ключа.

Руки наши чисты для чистой работы, потому что у других для грязной работы судьбы рукотворные — чисты!

Пуховая киноварь плесени на реперных постах улетучивается, уже слабеют взвизги ультрамариновых на просвет перепончатых вампиров, и карликовые МоАЗы с воздетыми под свод зубастыми ковшами, подобно скорпионам, не жалят себя в панцири бронированных решётчатых кабин, отстаиваются в вывихах венткороба разъездной пространной ниши. И шатается взброд по всему тоннелю прихваченная на нулевом пикете, украшенная гирляндами лампад сестра забвенья — тишина...

Буровая рама

Чацкий спотыкается на стравленном пожарной командой 30-литровом огнетушителе.

— Ежели рванет, тогда что? Нарушение правил техники безопасности. На каждом шагу!

— Меньше работы взрывникам. Экономия небольшая, но приятно, сам посуду, сдуру и премию могут оформить.

— Хорошо, что у нас в сапогах стальные пятки. Альпинисты придумали.

Гул, сфокусированный в верховом волноводе, сотворяет театральный гром, как аэродром, но при любой погоде. И контурные балки, замурованные в крепь надолго, навсегда, сдерживают миллионы тонн породы, миллиарды звёзд, три любви, три степени свободы и озеро из золота и льда.

— Именно со льдом бы нам и надо разобраться, — замечтался Лосский, — отгадет, ан глядь — вместо цемента сыплется песок! Где агрегат, профессор?

— Наверно, в рюкзаке, — рапортует Кротов. Он даже не подозревает, что там ему наковырял по схемам Евгений Евгеньевич Греков.

Путаясь над бортовыми скосами в бесформенных рубищах прорех, сабуровские маркшейдерши кажутся в профиль немного голыми стрекозами. Что было, то и есть.

Ближе к забою зарябили ромбы рабицы, подхваченной анкерами в соляных муаровых ореолах, над рельсовыми стрелками появились упругие мостки из полуторадоймовых досок, лестница расширилась, обрела перила, и плотники ушли. У плотников вообще особая работа.

Едва до старта техсовета все расселись на верхней обзорной площадке, сняв каски, ремни и сапоги, Лосский пригласил Кротова в ступу телескопического подъёмника, вознёс его под свод и со словами: “Эх, вспомним молодость, подругу боевую!” — стал мотать удивлённого аспиранта над пропастью.

Маркшейдерши притихли и, словно мыши, спрятались под трап, и скобы всех перил затрепетали.

Сосновый смолянистый благоуханный трап вёл в утробу трёхуровневой буровой рамы, где, прикрытое катафотами семи прожекторов, извивалось реальное воплощение девятиглавой гидры, ползущей от Байкала до Амура. Сейчас у гидры бы перерыв.

Пульты с шишаками на смазанных тавотом рычагах, замки на стыках сборных штанг, опорные башмаки, переступающие в гусеницах на плоско-стопных траках, плыли в мареве бездействия, в режиме ожидания взрыва. Не хватало только взрывников.

— Я не успеваю, тут душно, — крикнул Кротов, — занесите эту дату в протокол! Отметка-то какая? 442?

— Да. Она самая, — подтвердил Сабуров. — Читай доклад.

— Естественно. Итак, мы начинаем, — тараня воздух лбом, пронёсся докладчик мимо отшатнувшейся аудитории, сузившей до точки обнажённые зрачки. — О гравитации уж и не знаю, что сказать. Как видите на моём примере, её происхождение туманно, воздействие необъяснимо, и, по мнению

Академии геофизических наук, в генезис этого явления вмешалась не луна, а только её третья половина. Поэтому данный параграф опускаем и сосредоточение поисков смысла тезисно продолжаем во втором. Ответьте мне: что такое избыточное горное давление?

— Катастрофа! — оробели грековские лаборантки, играя мокрой бахромой ухоженных ресниц. — И крепь завалится, и раму разнесёт.

— Так вот вам, государыни, и нет! — подключил он к сейсмографу умо-зрительный дотошный зонд и стукнул вилкой камертона по выводам параграфа номер три: — Екатерина, помоги...

*Сгустился вечер, тьма ночная,
и кто-то вылетел в трубу,
а может быть, звезда печная
дымком пахнула на ветру.*

Воображение живо дорисовало развёрнутые лепестки голографических вихрей, разъятые гидрошланги, и стяжные муфты, и кассеты, и шпурсы на завязи виньеток встречного тоннеля, и тёплые норы лис и соболей, и озеро, изъян земной коры.

— Надо ли уточнять азимут и траверз? — звякнул чугунными шпорами Сабуров.

— Нет. Абриса достаточно, — прекратил научные изыскания Лосский.

Исход

Портальная рында прогудела о завершении симпозиума, и в ход тяжело двинулись сапёрные гофлиты, элита, сошедшая с фронтона МГИ. Букетами растолкав троллейные искры, пассажирская вагонетка перемкнула время тоннеля, время гор, и под котурнами эриний и валькирий, словно изверг в муромской дубраве, взвизгнул компрессор. Гиперболоидные шлемы полифемов вмешались в ропот, гомон, гром.

*— Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
скажи мне закон земли, который ты знаешь.*

— Не скажу я, друг мой, не скажу я.

*Если я скажу тебе закон земли,
который я знаю, —
сядешь ты и заплачешь!*

— Вселенная есть Бог, Бог есть идеал, а идеал это...

— Солнце всего лишь атомный котёл. Но кто этой плазмой управляет?

— Спасибо, конечно, чудесам науки, однако работать всё равно придёт-ся. Надо...

Свет повторяет мир в пределах семи диапазонов спектра, золотые листья, яхонтовая мозаика Байкала и службы портального двора, вросшие в пространство побережья с радужным капканом врезки, и соболиный след, петляющий по насыпи вдоль курса дизельной дрезины. Куда сползала она на огрызках колёсных пар? Блеск окровавленных когтей, солёный запах вывороченной плоти и безмятежные парные облака.

В сауне техсовет облачился в простынные академические тоги. И тоже старомодно получилось, да не так.

— Подведём итоги, — окропился Глинский ледяною водой. — Планы выправлять нельзя, а вычеркнуть из сметы миллион рублей можно.

— Бюджетная копейка обходится не дороже премиального гроша, — согласился Сабуров.

— Вы что же, все деньги заберёте, не поделитесь? — предусмотрительно наемкнул Осецкий. — Я вам тут кто? Главбух!

— Нам ничего не надо, — напомнил Кротов, — только акт внедрения контроля плотности пород в тоннеле на пикете № 442. Так мне аспирантура повелела.

— Что ещё за баба такая, — заинтересовался инспектор по ТБ Чацкий. — Красотка из гостиницы “Звезда” или благоверная супруга? В списке расходных материалов подробных сведений об этом нет.

— Даже Бог про всё не знает, тем более, не менее, чем мы! — пустился в размышления Сабуров. — Немного ближе разломы обойдём, немного дальше, разница невелика. Тысячу кубов железобетона сэкономим — это да.

— Нет! — возразил Лосский. — У нас затратная система. Чем выше стоимость погонного метра проходки, тем виднее результат. График поставок цемента менять нельзя...

Тишина над озером была не так уж и накладна. Ушла за мост вахтовка третьей смены. В долгу без предоплаты опустошили свои бочки полосатые цементовозы, и в окрестностях Мухоршабира, в сопках Акатуя заскрипели буксами на спусках вечерние грузовые поезда.

Чёрно-синие звёздные протуберанцы заберегов и фаланга тронутого ржавчиной ковровского экскаватора, опрокинутого в линзу закатного Байкала. Купанье после бани в водоворотах у подножья пенистого мыса, угар костра, ломающий виски и серпантин извилистой грунтовки над лентой гистерезисной реки.

Жаль, кремниевого рубила под рукой не оказалось, а то бы можно было высечь, в терракотовой мозаике сберець всё, что перебирал в капроновых снастях чудовищный Иван, владеющий Сибирью.

Ждать нас не ждали, у начальства есть свои поводыри. Рыжков, Силовиков и Мельхиседек густобровый, и прильнувший к ним Чебриков, резидент президиума высокого совета физических и литургических наук из драматической студии “Гекуба”, четыре кубометра в филиале клуба, раскатали припортовый стенд.

— Изложите все ваши домыслы на гербовой бумаге. Завтра в секретариате печатей понаставим — украсится чернилами Байкал!

И в пойме вскипели облака, заматались бугристыми хребтами динозавры. И ночь иных миров была нежна — такая же душа, вся нараспашку. И молчал на грузовой площадке развернувшийся рейсовый автобус. Его никто не ждал.

— О чём задумался, алхимик? — уставился в запотевший окуляр теодолита Кротов. — О копиях Соломона в глубинах нижнеангарских торфяных болот?

— Размышляю. Датчики настроены на перепад развёрнутых частот. Оценка плотности занижена.

— Откуда на выходе помехи, инородные аномальные тела? И залежи сокровищ в брошенных карьерах?

— И Бог один, и Родина одна, Василий Васильевич...

И таял, лязгал гусеницами егерский вездеход за перевалом в долине Золотого корня, звящего в расщелинах из льда о чудесах от века до сего дня. Пылала в сердце алая вода...

Сборы

— “И что положено кому, пусть каждый совершит”, — зарылся Глинский в перья своего регланного пуховика, и автобус тронулся, объезжая клыки бетонных надолбов, фонарные столбы с коронами алмазных искрящихся окалиной арок, и там, где водосбросы светились всплшками шлифованных камней, пугались обрывки сетей браконьеров и серебро знамён над стаями придонной мечущейся рыбы.

Окраинные улицы плавилась в стеклянном зное, волны тепла змеились над котельной, за конторой из тумана всплыл ангар ДК. Все тупики вели в гостиницу “Звезда”.

— Да там и нет никого, — встал “ПАЗ” над лужей у колодца, — сегодня в клубе танцы.

— Капнуть в чернильницу вишнёвого компота, вот вам и кровь. Поэзия любви, — сказал Сабуров, — это наши слёзы.

И сразу радуга над Дагары погасла, и хаски растопырили отточенные когти: “Не надо было в банях морсы распивать! Лежали бы себе на тепло-трассах, сушили бы сырые валенки, в упряжку сапоги”.

Дверь торопливо заскулила, и неверная свеча вскинулась над стремянкой за барьером.

— Сгорели пробки, — пропел сверху голос Вероники.

И расцвели подсолнухи на занавесках, и лампы с колпаками из газет бисером сыпанули по вздутым оргалитовым перегородкам, когда она замкнула отвёрткой нулевую фазу, и трансформатор Северной подстанции выдавил из кухонной розетки шаровую молнию в жаровню с омулем, и самовар зудел, стонал в полутьме и в солнечном сплетении холодящих рёбер.

*Бледнеют властные ужимки
и вьются чёрные зрачки,
куда слетаются снежинки
или вползают мотыльки.*

Только угловые пауки слушали Кротова и понимали его космогенные идеи, навейные сказочной тщетой. Разум за разум, они и пировали.

— Всё, что имеет признаки существования, подвластно воздействию внешних и внутренних материальных сил, соединённых в гравитационные поля. Бремя бесконечно и проявляется только при встречном движении антивремени. Отсюда иллюзорный эффект “разбегающейся” Вселенной, мироздания, где явь перевернута, как пейзаж в глазах младенца. Активная среда самодостаточна всегда и никогда, и смысл волновой природы сущего изъят из начал преобразования стандартных сфер. Гармония — разомкнутая сфера без любых координат!

— То, что происходит с нами, — повторится, варианты невозможны, — запутался Сабуров. — Но где Бог, управляющий видениями расстегаев с визгой. Обратный ход времени есть, а пирогов уже нет.

— Бог везде! Скоро мы в этом убедимся...

За час собрали всё, что может пригодиться в тайге, где исчезают лесники и браконьеры, — спирт и керосин в армейских флягах, патроны и капканы, йод и зелёнку, вывернутые наизнанку вилкулы рукавицы, двуручные пилы и отточенные топоры. Натёрли парафином фосфорные спички. Из еды прихватили сало, сахар, чайную заварку и невесомые бобы.

— К воскресенью обернёмся, — обнадёжил Кротов, — если не съедят бурундуки или русалки, водяные крысы.

— Полегче с девушками, — обиделась Наташа. — Пока не поредеет чешуя, будем вас ждать. Это благородно.

— В сравнении с золотом, ваши тела бесценны. Есть что искать!

Поход

Спали мало. Вызванный по УКВ вездеход надымил, нахрустелся щебнем под окнами и отяжелел, отправил продувное облако вспять к лагунам до предгорий Дагары. Луна оцепенела.

— Что ж, снаряжайтесь, — вышла на крыльцо Марина с бухтой страховочных верёвок, — кто вас держит?

И извивался, тёрся об её колени соболь или пёс невидимый, от инея седой. А снега не было — в ковше Медведицы лёд туманился, пар таял. Не грела разница высот.

Быть может, есть дорога в ад? И егерь спрашивал: направо нам, налево нам, куда вам? Хотите по домам?

И сотрясался на колосниках выхлопных труб войлоком утеплённый кузов, в клапанах боковых карманов бушевало подувало, и ветер перешёптывал в бреду шаманский вой Станового нагорья, надламывал Северомуйский хребет. Елозили в колеях хозблоки лесорубов, сухостойная хонга стряхивала с полозьев солнечную грязь, замешанную на паукообразных корневищах,

и на тросовых сворках расплзались волокуши, огруженные охапками хвостовых хлыстов.

Визг бензопил будто сворачивал борозды беспорядочных противопожарных просек, уводил в гущу урочищ непроходимых оранжевые, в яшме подлеска теряющиеся трактора.

— Ось “Берлин — Москва — Пекин” в апреле была ближе, — косился на карту егерь. — Запоминайте, где мы. Куда едем?

— Судя по дебрям, именно туда.

По ходу кантовались хороводы еловых пирамид, и влеталось кронами кедровых колоннад в оживающий мрак неугомонное разноголосье чернух, дикуш, клестов и снегирей.

Наконец въехали в корону кратерной низины.

Тент закидали ветками, получился богатырский шлем с плюмажем из осокоря с крапивой. Зависть неистребима или её нет, а если есть ревность, “Стальная магистраль”, смирись — болото оживало!

Терялись в черемше сытые полозы и вёрткие медянки, в ряске расшевелились желтобрюхие саламандры, под лимонным солнцем которы свои и караморы караулили плаунные жуки, и высоко над жнивьем остистой тускороры висела карколистая карга. Она роняла слёзы на Алатырь, священный камень эвенкийских знахарей и чародеев с зарубками о тех, кого спасла удача.

*Где ты, обманчивое лето,
прекрасен ветер — так он быстр!
И сизый гарус бересклета
бусит укопом скатных искр.*

В полдень счёт мгновений превысил все в долгу без предоплаты немые миллиарды.

Сменили ботфорты на шипованные башмаки, проверили в связке опорные штыри, стопорные карабины, растрясали в старательских лотках беспородную золу и двинулись вдоль русла слабеющего ручья в пещерные расщелины застывшей лавы, остановленной барьером глыбастого ледника. Краснозубые медведи и горбатые орлы клонились к заводям, замороженные обилием форели, целовались с облаками. Кишели в омутных бочагах пиявки и вьюны, чудовища с голодными глазами...

— Что там, за грядой подсолнечных вершин? Золото опустошённой чаши или дейтерий и тритий выработанного рудника?

Шеренгами по уступам пристраивались к терновнику мелкие берёзы, челночные развесы лиственниц и пихт ткали тафтовую паутину среди теней воздушных известняковых изваяний, и под стенания горластых вышей зудела лепестками корабельных сосен слюдяная, источённая безветрием кора.

— Переключка без вести пропавших, — утешался егерь, — здесь хорошо. Если вернёмся, будет ещё лучше!

— Не искушай судьбу, отступник. Леший произошёл от обезьян, и теперь никто не знает, где он и где тот изьян, доставшийся по наследству всей академической науке.

— Удаление из миропорядка любого атома ведёт к уничтожению Вселенной, — возразил Кротов. — Мир тесен, как гостиница “Звезда”.

— Всели туда содержанку и альфонса — увидишь, что получится. Две бомбы! Любовь капризна — крышу разнесёт...

Перевал

Так, слово за слово, и не заметили, как вымахнули к перевалу. Буграми вскинулась морена, крытая коврами краснотала с волчьими ягодами и заячьей капустой, и конским щавелем, деликатесом местных змей.

— Кому сибирский колорит, а кому народное достояние, — указал Сабуров на обкусанные шершнями золотисто-пегие клубни топинамбура. — Так люди говорят.

— Собственность священна, мы это понимаем. Но кто её святил? Пока до церкви без лаптей не доберёшься, ан глядь, под каждой стелькой — казнокрад!

*Про солнечные пятна
не надо лишних слов —
и всё благоприятно
в долине чудачков...*

Жилистый, в желваках стланик охашками валился в недра развороченного карьера, клубился в наростах над гейзерной глиной, сгущался на перепадах от волны к волне.

И Северомуйский самолёт висел в зените, гнал свою тень с откоса на откос, оставляя тлеющий по курсу рельеф суконных юбок стюардесс, и так далее. Детали не выдерживают слов.

Кротов был нем и глух, как сама старость, и мы придерживали его на краю рыхлого бордюра, над хордой пережима в оползне воронки, где закипала сахарная вата артезианского ключа, и осы пили мёд из прогорклого видения болота, надстраивая замки пепельно-серых подколодных ульев.

In medias res, растаял Як-40, иллюминаторы померкли, и, словно слабомисты впуски на спуске, разнеслись мы по колкой скатерти, отстреливая рябчиков и чёрных куропаток.

— Умерьте прыть, зарубки оставляйте, — распорядился егерь, роясь в кровавом месиве костей и перьев разбитых птиц. И где-то в норах влаивали лисы, огнём глаз мерцающая в полумгле.

Бездна

Солнце рядилось в пестрядь выдуманной мешковины, и, оседлав рюкзаки, выкатились мы на стилобат неожиданного храма с фундаментом в созвездии Стрельца. Стен не было, был свод из линз касситерита.

Страж или вахтёр шевельнулся в мытарском салоне, обул сафьяновые сапоги и нехотя встал.

— Предъявите документы. Без документов жить нельзя, такой в нашей Вселенной заведён порядок, с подачи батюшки царя. Вы его дети?

— Предприниматели мы, — доложил Сабуров, — от ГлавБАМСтроя. Ищем, что бы где бы предпринять. Предпринимаем почём зря!

— Кому-то надо и работать.

— Воруют те, у кого крадут, — расколыхались баргузинские меха. — Добро даруют...

— Какая разница для нашей братии? — разъял отшельник шрам Байкальского меридиана. — Богатые будут богаче, бедные будут бедней. Покоя нет, есть воля Бога.

— Сравнил! Мы между небом и землёй, Он на земле и в небе.

Через час-другой обмен сомнениями приобрёл торговый оборот.

Кротов получил *Всеведение* в форме бархатного четырёхугольного берета и мантию на вырост с пожеланием доброго пути и связанными на груди атласными фиолетовыми рукавами. Иным достались слитки самородных звёзд, кто сколько унесёт с Древа Познания в свой дачный подмосковный огород.

— Глуп тот миллиардер, который не желает стать миллионером хотя бы на миг, — обмолвился Сабуров, оформив пенсию за свой счёт на долгие века от Байкала до Манджурии. — Гектар мне в облака!

Осталось сверить метеопрогноз с надеждами на хорошую погоду и заночевать.

Палатку соорудили из распяленных на рогатинах плащей. Подтоки сквозняка заткнули можжевельным лапником и сочли обломки полусфер касситерита — баснословные трофейные дары земной коры. Возврат времени и свёртывание пространства никто не замечал. Зонд молчал.

Вечер не спешил, красовался над костром бродячий вечер, выдёргивая из пещерных полостей трубчатые рукава боярских палантинов, кафтанные фалды дьяков и шорные воротники тиунских пластунов в безмерном количестве, воздвигнутом коммунальной мудрецов и маклаков.

Ещё слышна была топорная трескотня за болотом неутомимых лесорубов и переговоры с бездной горняков, рассеянных в величественных тоннелях.

Мир плоти одинаков, различен дух эпох.

Закат вонзил алмазный стеклорез в изумрудный фриз карниза, страхнул росу и свернул рулонами владения Тантала. Дым затаился, стланик почернел. Ночью в тент втирались всеядные вьюны, волхвы разгуливали в нелепых балахонах из вельвета, и дед в своём отапливаемом гейзерами гроте клацал стрельцовским шилом, чинил, никак дочинить не мог изъеденные молью сапоги.

*И вертелся между нами
под серебряным венцом
весь обвитый соболями
Князь с измученным лицом.*

Утром в полог забарабанила льдистая крупа. Снежный заряд пробился из Листвянки, все щели в западне законопатил, покончил с осенью. Зима была везде.

Подъём

— Искать не будут, выберемся сами, — уверенно заявил егерь, — до перевала 300 метров, золота сто тонн и дюжина капканов...

Ложе тропы дробилось, подмерзало и резало в глянце янтарного наста рукавицы, локти и бинты разодранной палатки. Осевший под ярусами сырого снега стланик сбрасывал пионерскую пирамиду в сугробы авгурам и жрецам, а кто их там ловил и вскидывал выше, дальше — неведомая знать? Не знаю, дело не моё.

— Господу Богу помолимся, грешному долг — наша честь! — взмолился, наконец, Сабуров, тронутый проклятьем точного слова, путеукладчика балласт в награду за враньё. Стальная магистраль, прекрасны твои дали.

— В воскресенье стоит ли трудиться? — сдался маркшейдер. — Перезимуем на орехах за грехи.

Сделку с атомным дуплом оформил егерь. Отдали самородки, вернули горизонт. На перемётных кладезях сумы движение возобновилось в чётком беспорядке, третий стал вторым, четвёртый первым. Хребты рептилий в связках расплелись, в паузе между молнией и громом снег превратился в дождь, дождь превратился в лёд. В зеркалах заводов рассыпались глазами озера рассказанные птицы, орлиные детинцы, соболя лёжки и форельные садки, не выпить чёрный омут никогда!

*Нить серебряных бус,
мёда тёмного вкус.
Я дыханьем любви
обовью тебя, Русь.*

*И молчит за рекой,
лёгкой цепью звеня,
драгоценных огней
золотая змея.*

Возвращение

Про зонд не вспоминали, в кратер упустили торбу, когда тропу в торогах дорубили. Спасибо, вездеход завёлся сразу. Мгновенья сблизились, пространства растянулись, от бесерменства до латинства.

Гостиница была пуста, подруги съехали, и звезда мерцала ядом аптечного креста, и сердце упивалось снегопадом.

Никто и не заметил пропажи Кротова. Случалось, видели его на ствольных врезках Муйского тоннеля. Не там ли золотники лопатами гребут, четыре грамма оптом за неделю? А соболь — кто? Проректор под седым воротником, бородач с окладом в 1000 студенческих стипендий. Или зазывала на Арбате перед ларьком музейных пыток: кнуты и пряники, дубинки для господ, дыбы, пиявки, утюги... Да мало ли, что шарманщикам свободы изобретёт и порекомендует неохотный ряд? Киев домайданит. Тягуч и сладок креативный дым. Напрасно эскадрон РУБОПа на иноходь сбивается с галопя. Ессейский фарисей неуловим!

— До встречи? — обернётся женщина с весёлыми глазами.
Какие встречи... Мы не расставались никогда.

*И воспевает полуночный ветер
день, где грустят и ликуют шутя,
чтобы никто в небесах не заметил
тёплую кровь на дороге дождя.*

И мы уходим волей и неволей, не зная веры солнечным корням, лишь бы увидеть озеро золотое в горах, куда Байкал унёс туман.